

НАША СТРАНА

Год издания — 41-ой. Буэнос Айрес, суббота 25 марта 1989

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 25 de marzo de 1989

Nº 2016

ТОСКА ПО «БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ»

New Moscow: More Hymns To Old Russia

By BILL KELLER

Special to The New York Times

MOSCOW, Feb. 21 — Three church choirs lofted sonorous a cappella hymns to the rafters of the Wings of the Soviets hockey arena, transformed for the evening into an incongruous cathedral.

A prelate of the Russian Orthodox Church intoned an ancient prayer from the state-owned rostrum, as old women and fervent, bearded young men crossed themselves and whispered the words.

Russian writers took the microphone to bemoan the Sovietization of Russian history and the loss of old Russian culture, monuments and values.

Под заглавием «Новая Москва: гимны старой России» нью-йоркская газета «Нью Йорк Таймс» от 22-го февраля опубликовала статью своего московского корреспондента Билла Келлера описывающего публичное собрание доселе малоизвестного «Независимого Русского Культурного Фонда».

Три церковных хора — рассказывает журналист — исполняли звонкие песнопения восходящие к стропилам хоккейного стадиона «Крылья Советов» превращенного в этот вечер в своего рода кафедральный собор.

Священнослужитель Русской Православной Церкви вознес старинную молитву, в то время как старые женщины и истовые бородатые молодые люди крестились и шептали те же слова.

Затем русские писатели брали микрофон, чтоб изобличать советизацию русской истории и потерю старой русской культуры, русских памятников и русских ценностей.

Проведенный в четверг вечером акт считался официально концертом, но на самом деле это было русским возрожденческим собранием, где более трех тысяч человек восславили Бога.

Горбачевская программа перестройки была мимоходом упомянута, но наиболее бурные аплодисменты раздались когда молодой русский писатель Константин Ковалев сокрушался о том, что русская традиционная музыка пребывает в забвении, назвал то песнопение, которое являлось русским национальным гимном до того как коммунисты пришли в 1917 году к власти: «Боже Царя храни».

Собрание, устроенное Русским Независимым Культурным Фондом и Православной Церковью было — по мнению американского журналиста —

разрешено властями с целью ввести в какое-то русло обширный и проблематичный пласт населения: русских националистов, или как они предпочитают себя называть, русских патриотов.

Митинги подобные тому, который имел место на хоккейной арене, на протяжении последних недель привлекали еще большие скопления русских, стремящихся снова утвердить свою собственную культуру.

Согласно «Нью Йорк Таймс» эти митинги также встревожили московских либеральных интеллектуалов, которые боятся, что «русская ностальгия является плодотворной почвой для кампании нетерпимости».

По мнению американской газеты на одном из таких собраний, организованном тремя журналами «обслуживающими русских националистов», речи включали в себе «понравившиеся толпе намеки на антисемитизм».

Согласно газете, Вячеслав Горбачев — помощник редактора журнала «Молодая Гвардия», не родственник генсека — возбудил толпу в тот вечер перечисляя статистические данные о числе евреев в Академии Наук, числе евреев в Союзе Писателей, числе евреев с высшим образованием.

Некоторые из участников собрания держали плакаты обличающие космополитизм, «выражение употребленное Сталиным, чтоб внушить мысль, что евреи лишены корней, а потому нелояльны».

Затем «Нью Йорк Таймс» цитирует Евгения Евтушенко побывавшего на собрании, на котором выступал Вячеслав Горбачев: «Странное у меня было чувство, будто я уже где-то видел это наркотическое упоение собственными выкриками. Вспомнилась, к слову, «тусовка» в день рождения Гитлера несколько лет тому назад на Пушкинской площади, ритмическое раскачивание подро-

стков с осоловело стадными глазами».

(В той же статье («Лженабат. Лозунги из пронафталиненного сундука», газета «Московские Новости» от 5 февраля 1989), Евтушенко сокрушается о том, что на этом собрании «развевались и лозунг «Движение «Память» победит» и красное знамя, на котором серп и молот были заменены Георгием Победоносцем. Георгий Победоносец — пишет Евтушенко — на знамени в руках воинов, защищавших Россию от врагов-супостатов, был символом русского мужества. Но не забудем, что тот же самый Георгий Победоносец в руках черносотенцев был символом погромов. Дело не в самом Георгии Победоносце, а в том, кто подразумевался под змием — действительный ли враг, или враг, изобретенный для оправдания необходимости махать копьём налево и направо. Итак, кто же такие были змии, обозначенные в речах ряда ораторов? Их был целый террариум — причудливый извивающийся клубок существ с ядовитыми жалами: Троцкий, Свердлов, Бухарин, Каганович, Заславская, Агенбегян, Коротич, Б. Васильев, Нуйкин, Шмолев, Стреляный. В виде пресмыкающихся (перед Западом) были представлены журналы «Знамя», «Огонек», газета «Московские Новости»....»

Немудрено, что для вечного приспособленца к генеральной линии компартии, Евгения Евтушенко, такие палачи русского народа как Троцкий, Свердлов и Каганович не враги. (Ред.)

Однако по мнению «Нью Йорк Таймса» на хоккейной арене в тот четверг вечером не было ничего такого зловещего, о котором писал Евтушенко, «хотя у ворот стадиона один человек собирал подписи под петицией требующей, чтоб Москва не восстанавливала дипломатических

отношений с Израилем, а другой держал плакат обличающий — без дальнейшего объяснения — преступления израильских шпионов».

Согласно американской газете заявления со сцены были умеренными, «быть может потому что организаторы не хотели конфузить почетного оратора, митрополита Ювеналия, члена правящего Синода Русской Православной Церкви. Картина церковного иерарха благословляющего массу людей на хоккейном стадионе, была, сама по себе, достаточно впечатляющей».

При Михаиле Горбачеве — говорит «Нью Йорк Таймс» — государство старается привлечь к себе хотя бы часть русских патриотов, расширив свободу религии и обещая восстановить запущенные русские памятники, «одновременно обескураживая более скрытый и шовинистический сорт национализма, воплощенный в правой националистической группе под названием «Память». Многие либералы выражают однако беспокойство, что ухаживая за этой силой, правительство играет с огнем.

По мнению газеты, русский национализм всегда представлял собой важную и существенно консервативную силу в обществе. Это — стремление к истинам, отвращение к демократии и плюрализму, сопротивление модернизму, ностальгия по деревне, семье и по любящей, авторитарной Церкви.

Многие русские националисты считают марксизм таким же чуждым, как и рок-музыка.

«Хотя присутствие «Памяти» не ощущалось в четверг вечером, Михаил Горбачев вряд ли почувствовал бы себя здесь в своей тарелке», пишет «Нью Йорк Таймс». Вестибюль был галереей русского националистического дела. Одна женщина продавала портреты и родословные царей. В другом углу, под бело-синим красным дореволюционным русским флагом, группа людей призывала восстановить храм Христа-Спасителя, взорванный в сталинское время и замененный публичным бассейном.

Дюжины людей стояли в двух очередях, чтоб подписываться под петицией против попытки Союза Советских Писателей заменить редакторов трех журналов дорогих русским националистам: «Наш Современник», «Молодая Гвардия» и «Москва».

На сцене, после молитвы митрополита Ювеналия, московский священник сказал проповедь, в которой требовал новых отношений между Церковью и государством:

«Добро против зла», сказал он. «Это не экономическая проблема и не политическая проблема. Борьба идет в сердцах людей, а там никуда не деться без Церкви».

ВОПРОСЫ ПЕРЕСТРОЙКИ И ПРАВДИВОСТИ

1. В 1920-м году, 26-го ноября, была опубликована речь В. И. Ленина к секретарям ячеек коммунистической партии.

Там говорилось:

«Как только мы будем достаточно сильны, чтобы победить капитализм в целом, мы немедленно возьмем его за шиворот».

2. На странице 132-ой в книге «Перестройка и новое мышление, для нашей страны и для всего мира», М. С. Горбачев, генеральный секретарь коммунистической партии СССР, говорит:

«... нам вновь и вновь приписывают намерение посадить коммунизм во всем мире. Чуть какая-то! — восклицает он тут же, и продолжает, — наших заявлений относительно «насаждения коммунистического господства» нет и не было».

Вопрос: как понимать это прямое противоречие?

С. Б.

БИБЛИОГРАФИЯ

Д. Джонс. "Зимний Дворец" (Нью Йорк, 1988).

Издательство "Либерти" подрядилось снабжать публику третьеклассной беллетристикой на приблизительно русском языке. Очередной продукт не лучше прежних.

Переводчица, Е. Гессен, по-русски изъясняется не как на родном, а как на чужом и плохо усвоенном языке. Это заметно уже на заглавном листе. Почему имя автора, Dennis, передано как *Дэннис*, а не *Деннис*? Сие ничем не оправдано, ни фонетикой, ни традицией. Еще заметнее ее некомпетентность проявляется, когда она сообщает, что героиня романа говорит с *уэльским* акцентом; для культурных людей, жители Уэльса говорят *по-валлийски*. Что уж и дивиться, если штат Виргиния у нее превращается в *Вирджинию*!

Просто неграмотна фраза: "Я сказал Руфь, что мы вернемся"; пало бы, ясно, *Руфи*. Вовсе дико звучит: "Уж не переработались ли вы, Виктор Михайлович?" Мыслимо только *переработали*; *перерабатываются*, скажем, производственные отходы, а если люди, то в совсем ином смысле. Вероятно переводчица думала о других глаголах, как *переутомиться*. До странности неуклюже выглядит: "родители погибли в *авиакатастрофе*" (вместо "при крушении самолета" или "при аварии самолета").

Трудно себе вообразить, в устах университетского профессора в Москве, слова "очисти свой стол", вместо *очисти*. Вовсе непонятно, отчего передняя у того же профессора именуется... *предбанником* (!). От слова *турки*, родительный падеж должен

бы быть *турок*, а не *турков*. Французское слово *gargouille* поставило, видимо, г-жу Гессен в тупик: она его передает как *горгулье* (!). Имя фигурирующего в книге турецкого президента надо бы, предполагаем, читать *Челеби*, а не *Селеби*; но проверить невозможно, не имея под рукой английского текста. Не станем останавливаться на употреблении похабных слов, на *е...* и прочих.

Подобные перлы раскиданы на каждом шагу. Но перейдем к содержанию. Тенденция данного произведения ясно выражена во внутреннем монологе одного из главных персонажей: "Когда народу становилось невозможно от притеснений царской власти, из евреев делали козлов отпущения. При слове *погром* ему виделись казаки на деревенских улицах, штыки, кровь, слышался цокот копыт, запах паленого". Заметим, что речь идет о человеке, явно родившемся уже после революции. Впрочем, казаки, как регулярные части, *разгоняли* погромы; но уж никак их не устраивали.

Книга, по всей очевидности, адресована американским евреям, не жившим в России и ничего в российских делах не понимающим. Но какой же был смысл ее переводить по-русски?!

Все русские представлены в ней как грубые скоты, кровожадные варвары; да и другие народы нашей Империи чуть ли не хуже еще — тупые, раскосые азиаты! Им противопоставлены добродетельные евреи усердно работающие на американский шпионаж, и мужественно претерпевающие за то всяческие страдания.

В более личной сфере положительные герои ведут себя целиком по-свински; их сношения с женщинами (описываемые с мерзкими физи-

ологическими подробностями) — на чисто животном уровне. Да они и вообще пасторско примитивны, что иначе не могут. Контр-разведочные же их подвиги, мягко выражаясь, — неправдоподобны. Несмотря на нагромождение действия, роман непроходимо скучен; читать сплошь — не выдержишь. С усилием припеволиваете себя его проглядеть.

Никакого сравнения с мастерами в том же литературном жанре как Тополь и Незнанский из русских, или М. Смит Краус либо Дж. Ле Карре по-английски. Серая жалтура, наспех состряпанная с надоевшим читателям набором из выживших после войны эсэсовцев, фанатически настроенных арабов... и прочих врагов Израиля.

События перенесены в будущее, после свержения Горбачева, которого сменил реакционер Кулигин, только и помышляющий как бы насолить евреям. Любопытно следующее: когда ему приходит идея выпустить — и даже принудительно выслать — сразу всех евреев из СССР, обнаруживается, что западные страны, а равно и Израиль, не хотят их принимать!

В США появляется даже некая *Христианская Гвардия*, которая евреев избивает дубинками. Зря, мы полагаем, приплетена еще и какая-то лига "Борьбы за Белое Господство"; ведь известно, что в Америке антисемитизм сильнее всего развит не у белых, а у негров.

К числу относительно удачных моментов (но мало похожих на действительность!) принадлежат приключения американского агента, Сэмюэля Коля, в Советском Союзе, откуда он, преследуемый КГБ и милицией, ухитряется все же бежать на турецком судне.

Владимир Рудинский

Среди книг

УМНЫЕ МЫСЛИ

Выпишем некоторые мысли Ф. Тютчева, из сборника его "Политических Статей", переизданных в Париже в 1976 году, издательством YMCA-Press.

"Книга г. Кюстина служит новым доказательством того умственного бесстыдства и духовного растрепания (отличительной черты нашего времени, особенно во Франции), благодаря которым дозволяют себе относиться к самым важным и возвышенным вопросам более нервами, чем рассудком; дерзают судить весь мир менее серьезно, чем, бывало, относились к критическому разбору водевиля".

"Взгляните, например, на Англию! Что вы о ней скажете? Взгляните на ее фабричное население, на Ирландию; и если бы вам удалось вполне сознательно подвести итоги в этих двух странах, если бы вы могли взвесить на правдивых весах злополучные последствия русского варварства и английского просвещения, — быть может, вы признали бы более своеобразности, чем преувеличения, в заявлении того человека,

который, будучи одинаково чуждым обоим странам и равно их изучивший, утверждал с полнейшим убеждением, что в Соединенном Королевстве существует по крайней мере миллион людей, которые много бы выиграли, если бы их сослали в Сибирь!"

"Революция — прежде всего враг христианства. Антихристианское настроение есть душа революции: это ее особенный отличительный характер. Те видоизменения, которым она последовательно подвергалась, те лозунги, которые она попеременно усваивала, все, даже ее насилия и преступления были второстепенны и случайны; но одно, что в ней не таково, это именно антихристианское настроение, ее вдохновляющее, и оно-то (нельзя в том не сознаться) доставило ей это грозное господство над вселенною. Тот, кто этого не понимает, не более как слепец, присутствующий при зрелище, которое мир ему представляет".

Решительно, Федор Иванович был очень умный человек! И великий поэт тоже, само собою; но ведь это не всегда совпадает (возьмем, к примеру, А. А. Блока...).

БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ

В книге "Воспоминания о моем детстве" (Амстердам, 1976), Гюзель Амальрик правдиво передает слова своей матери, татарки родом из деревни под Нижним Новгородом, в 1943 году бежавшей со всей семьей от голода в Москву: "Позднее, я помню, мама рассказывала, как она жила раньше, она все время сравнивала то время, когда жилось лучше, с теперешней жизнью. Она говорила, что до коллективизации они

жили хорошо, добротный дом имели, держали хозяйство со скотом и птицей; хотя в летнюю пору они и работали от зари до зари, все это для себя, а зиму они отдыхали, женщины пряли, вязали, вышивали. Она с грустью вспоминала свои молодые годы, и лились при этом светлые слезы".

Воспоминания самой Гюзели, наоборот, совершенно безрадостные: бедность, невежество, грубость нравов; да еще, видимо, и нездоровая наследственность (ее брат и сестра оба сошли с ума...). Отца она не любила, к матери относилась без уважения. Хуже того: от родного татарского языка она рано отеклась и не хотела на нем говорить; а к русским, как многократно подчеркивает, испытывала враждебность. Это создает, понятно, общий фон беспечности и бесперспективности.

Подчеркнуто инфантильный язык повествования (хотя из некоторых мест ясно видно, что автор вполне владеет стандартной литературной речью) быстро утомляет. Весьма неприятные подробности, о болезнях как глисты, о раннем пробуждении сексуальных импульсов и т. п. не доставляют удовольствия при чтении; хотя они, конечно, хорошо вписываются в современную диссидентскую манеру сверхреализма.

Историю своей жизни Гюзель прерывает как раз там, где события начинают становиться несколько интереснее, когда она делается художницей и вырывается в более культурную среду; и задолго до ее брака с известным диссидентом Андреем Амальриком, портрет которого с точки зрения его жены мог бы представлять некоторую ценность.

Савва Юрченко

НА РОДИНЕ

ТОТАЛЬНЫЙ ГЕНОЦИД

Международные агентства печати сообщили в конце прошлой недели о предложении М. Горбачева распустить Госагропром, который был создан им же в 1985 году, для объединения всех министерств, связанных с аграрным сектором. В своей речи перед ЦК КПСС, Горбачев разоблачил принудительные методы, с помощью которых Сталин проводил в жизнь свой план полной коллективизации.

Горбачев указал на необходимость изменить радикальным образом систему управления агропромышленным комплексом и устранить существующую систему аграрной администрации. Он предложил ввести с 1-го января 1990 года более гибкие цены, по которым государство закупает сельскохозяйственные продукты. Однако, он заверил, что розничные цены на эти продукты не будут изменены в течение следующих двух-трех лет.

В своей речи, которая длилась почти два часа, Горбачев описал то опустошение, в котором оказалось советское земледелие. Положение настолько плохое, сказал он, что пройдут годы, пока страна снова сможет сама себя кормить.

Повидимому смысл этого нового этапа аграрных реформ в СССР заключается в передаче правительствам пятнадцати советских республик контроля над земледелием. Одновременно, аренда крестьянам земли должна превратиться из исключения в норму, так как, согласно Горбачеву, аренда обеспечивает большую продуктивность. Самое интересное, что Горбачев подчеркнул необходимость признания равенства разных форм «социалистической собственности». Именно в такой собственности и заключается главная причина аграрной катастрофы в нашей стране.

В издательстве «Посев» опубликован в 1989 году отрывок из готовящейся к печати книги В. Солоухина «Последняя ступень», под названием «Читая Ленина». Комментируя цитируемые им слова Ленина, Солоухин пишет:

«...*Неужели ради этого надо потрошить народы, истреблять физически лучшую часть каждого народа, морить его голодом, держать в тюрьмах и лагерях, загонять в колхозы, лишив земли, лишив заинтересованности в труде, не говоря уже о поэзии труда, о его радостях, хотя и сопряженных с тяжестью... Может быть, и можно потом восстановить храмы и дворцы, вырастить леса, очистить реки, можно не пожалеть даже об опустошенных выведенных недрах, но невозможно восстановить уничтоженный генетический фонд народа, который только еще приходил в движение, только еще начинал раскрывать свои резервы, только еще расцветал... Простое порабощение лишает народ цветения, полнокровного роста и духовной жизни в настоящее время. Геноцид, особенно такой тотальный, какой проводился в течение целых десятилетий в России, лишает народ цветения, полнокровной жизни и духовного роста в будущем, а особенно в отдаленном. Генетический урон невозможным, и это есть самое печальное последствие того явления, которое мы, захлебываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской Социалистической революцией».*

А. Р.

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

АЛЕША КАРАМАЗОВ

Признавая, что Достоевский предвидел и показал пути развития враждебных существующему в России монархическому порядку сил, которые, по словам старца Зосимы («Братья Карамазовы») «мыслят устроиться справедливо, но отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом», Достоевский также показал и положительные, оздоровительные силы существующие в русском обществе. Таким именно типом был выставлен Алексей Карамазов.

Несмотря на то, что в предисловии к роману Достоевский указывает, что герой романа — Алексей Федорович Карамазов, он «с прискорбием предвидит, что замечательность Алеши не каждым будет увидана». Так оно и случилось. Большинство читателей увидело героем не положительного Алешу, а его соблазнительного брата Ивана. Несмотря на то, что Иван в своих действиях не всегда был последователен своей философии, он оказался, для большого количества читающей публики, более убедительным, чем последовательный деятель, человеколюбец и христианин Алеша.

Достоевский, который редко подробно и прямо говорит о душевных и физических качествах действующих в его романах лиц, для Алеши делает исключение, подробно описав его в начале романа. Он пишет, что Алеша был красивый, здоровый (краснощекий и ясноглазый), бесстрашный, умный «в классах всегда стоял по учению из лучших», физически ловкий, любил читать и читал также серьезные книги. В разговоре с Колей Красоткиным выясняется, что он хорошо знал писания Белинского и Вольтера. Обиды никогда не помнил, просто обиды не считал за обиды, товарищи в школе его любили во все время его пребывания там. И вот в 19 лет Алеша оставляет гимназию, не кончив последнего класса, и поступает послушником в монастырь. «Алеша был вовсе не фанатик и даже не мистик вовсе, был он просто ранний человеколюбец, и если ударился на монастырскую дорогу, то только потому, что в то время она одна поразила его и представилась ему, так сказать, идеал исхода рвавшийся из мрака мирской злобы к свету любви души его...»

Достоевский продолжает дальше: «и еще была в нем дикая исступленная стыдливость и целомудренность». Целомудрым Алеша остается на протяжении всего романа, что показывает в нем присутствие большой силы воли; живя среди разврата и распущенности в своей семье, он не поддавался соблазну, хотя один раз сказал: «Ведь я Карамазов», т.е. есть страсти отца и братьев иногда тревожат и его душу. И еще была одна замечательная черта в его характере: «Что-то было в нем, что говорило и внушало, что он не хочет быть судьей людей... и ни за что не осудит». На протяжении романа, все вышеуказанные качества Алеши проявляются с полной силой и убедительностью.

Несмотря на свою юность, он показан как опора и утешитель всех кто с ним сталкивается. Приехав к отцу, «в вертеп разврата», он никогда не

показывал отвращения или осуждения, когда глядеть было нестерпимо, просто удалялся, и отец встретивший его угрюмо и подозрительно, кончил однако тем, что полюбил его искренне и глубоко, как никого не любил в жизни. Приезд Алеши подействовал на него даже с нравственной стороны. Когда Алеша попросил его благословения для ухода в монастырь, он отпустил его сказав: «Ступай, доберись там до правды, да приди рассказать: все же идти на тот свет будет легче, коли наверно знаешь, что там такое. Да и приятнее тебе будет у монахов, чем у меня, с пьяным старикашкой да с девчонками...» Сына Ивана отец не любил и даже, как он сказал Алеше, что он его боялся. На что Алеша ответил: не бойтесь, он всегда Вас защитит.

Старший брат Дмитрий, развратный, неудержимый в исполнении своих страстей, промотавший свои деньги и деньги доверенные ему невестой, враждующий с отцом из-за денег и ревности к женщине и даже избивший отца, в минуту отчаяния ищет встречи с Алешей. Он приходит на перекресток дорог, где Алеша должен пройти направляясь в монастырь и действительно, встречает его. «Стою я здесь — говорит он Алеше — вот под ракитой жду тебя, и вдруг подумал (вот тебе Бог): да зачем же больше маяться, чего ждать? Веревку можно сейчас свить (из одежды) и не беременить больше уж землю, не бесчестить ее низким своим присутствием! И вот слышу ты идешь, — Господи, точно слетело что на меня вдруг: да ведь есть же, стало быть, человек, которого и я люблю, ведь вот он... братишка мой милый... кого я единственно люблю — и подумал я брошусь сейчас к нему на шею!». «Говори однако, что там?» Дмитрий до этого просил Алешу передать поручение невесте. Алеша рассказал ему о встрече невесты с Грушенькой. «Характер любви Алеши к людям был всегда деятельным. Любить пассивно он не мог, возлюбив, он тотчас принимался помогать», и это все понимали.

В противоположность Алеше, Иван людей не любил, можно сказать больше — презирал: «недоделанные, пробные существа, созданные в насмешку... Не для таких гусей великий идеалист (Христос) мечтал о своей гармонии». Так говорил Иван, но с Алешей он искал дружбы. «Я с тобой хочу сойтись, Алеша, потому, что у меня нет друзей, попробовал хочу... Ведь ты твердо стоишь, да? Я таких твердых люблю, на чем бы они не стояли... Ты, кажется, почему-то любишь меня, Алеша? — Люблю Иван... Ты и теперь для меня загадка, нечто я уже осмыслил в тебе... то, что ты такой же точно молодой человек, как все 23-летние молодые люди... Ну желторотый, наконец, мальчик. Что не очень тебя обидел? — Напротив, поразило совпадением! — сказал Иван — Верить ли, что я, после давешнего свидания у ней, (у невесты) только об этом и думал про себя... Я сейчас здесь сидел и знаешь что говорил себе... порази меня хоть все ужасы человеческого разочарования — а я все-таки захочу жить и уж как припал к этому кубку, то не оторвусь от него, пока весь не осию. Впрочем к тридцати годам брошу кубок, хоть и

не допью... Жить хочется и я живу хотя бы вопреки логике. Рад я ужасно — сказал Алеша — что тебе так жить хочется... полюбить жизнь прежде логики... Половина твоего дела сделана, Иван: ты жить любишь. Теперь надо стараться о второй половине, и ты спасен».

В конце этого свидания Иван рассказал Алеше свои замечания о незаслуженных страданиях детей и «Легенду о Великом Инквизиторе». «С таким адом в груди и в голове как же жить-то будешь? Горестно воскликнул Алеша. Есть такая сила, что не выдержит! — сказал Иван — ... Да пожалуй... Я брат, уезжая, думал, что имею на всем свете тебя, а теперь вижу, что и в твоём сердце мне нет места... Алеша встал и подошел к нему и молча тихо поцеловал его в губы... Литературное воровство! воскликнул Иван, переходя вдруг в какой-то восторг, — это ты украл из моей поэмы! Спасибо, однако».

Во время этого длинного и многозначительного разговора Иван сказал Алеше: «Братишка ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть с твоего устоя, я, может быть, себя хотел бы исцелить тобой».

В семье Карамазовых случилось несчастье, убит был отец. Масса улик показывала, что убил Дмитрий и Иван, в начале, поверил этому; но потом под влиянием утверждения Алеши, что не Дмитрий убийца и вспоминая свои разговоры с Смердяковым, он стал подозревать, что его рассуждения, «что если бессмертия нет, то все позволено», а также его поведение до отъезда в Москву, повлияли на решение Смердякова, убить Ивана начала мучить совесть, совесть существования, которой он раньше не признавал, оказалась страшным оружием, приведшим его к психическому расстройству, в галлюцинациях он видел черта.

Самоуверенный Иван, в своем пренебрежительном отношении к людям, не понимал сущности Смердякова; наблюдательный же и внимательный к людям Алеша, пришел к верному заключению, что убил Смердяков без помощи Ивана. Он знал его характер, его жестокость и высокомерие, он видел его презрение к отцу и брату Дмитрию, и даже, знал «мечту» Смердякова: если у него будут деньги, то он откроет ресторан в Москве или даже за границей. Не даром Достоевский указал об Алеше, что он «самый большой реалист!» Придя к заключению, что убил Смердяков, Алеша поспешил на помощь Ивану. Сцена когда Алеша уверяет Ивана, что не он убил, мне кажется самой драматической в романе.

Назвав Дмитрия убийцей и извергом, Иван уверяет Алешу, что отца убил Дмитрий. — Этого быть не может, убийца не он — говорит Алеша. — Кто же убийца по вашему? холодно и высокомерно спросил Иван. — Я только одно знаю — почти шопотом проговорил Алеша — убил отца не ты. — Да я и сам знаю, что не я, ты бредишь? — Нет Иван, ты сам себе несколько раз говорил, что убийца ты... — Когда я говорил? я в Москве был... совсем потеряно пролепетал Иван, — Ты говорил себе это много раз, когда оставался один в эти страшные два месяца» Иван решил, что Алеша знает, что к нему при-

ходил черт. Иначе как же он мог узнать, что Иван думает. — Брат, дрожащим голосом опять начал Алеша — я сказал тебе это потому, что ты моему слову поверишь... Я тебе на всю жизнь это слово сказал: не ты! И это Бог положил мне на душу тебе сказать... — Алексей Федорович, — проговорил Иван с холодной усмешкой, — я пророков и эпилептиков не терплю; посланников Божиих особенно.

Умирая, старец Зосима, послушником которого был Алеша, велел ему уйти из монастыря и «пробывать в миру». Ученый монах, отец Паисий, любивший Алешу, сказал ему напутственное слово: «наука, — говорил о. Паисий, — в последний век, разобрала все что завешано в святых книгах, и после анализа у ученых мира сего, от прежней святости не осталось ничего. Но разбирали они по частям, а целое просмотрели, тогда как целое стоит перед их глазами неизбежно. Разве не жило оно девятнадцать веков, разве не живет и теперь в движениях народных масс? Даже в движениях душ тех же самых, все разрушающих атеистов живет оно, как прежде неизбежно! Ибо и отрешившиеся от христианства и бунтующие против него в существе своем сами того же Христа облик суть... Ибо до сих пор ни мудрость их, ни жар сердца их не в силах были создать иного высшего образа человеку и достоинству его, как образ, указанный древле Христом. А что было попыток, то выходили одни уродливости. Отец Паисий спешил вооружить юный ум для борьбы с соблазнами и оградить юную душу оградой, крепче какой и сам не мог представить себе».

Через несколько дней умер старец Зосима. Алеша был потрясен горем и смущен последующими событиями в монастыре. Воспользовавшись его расстройством, скрывающий свое безбожие Ракитин повел его, с грешным намерением, к Грушеньке, но случилось неожиданное: Грушенька эта «ужасная, жестокая и злая» женщина, почувствовала Алешино горе — смерти старца — и в душевном порыве, рассказала ему о своей несчастной жизни. Алеша ей признался: «Я шел сюда злую душу найти, а нашел сестрицу искреннюю. Грушенька была потрясена. «Зачем ты, херувим, не приходил прежде... я всю жизнь такого как ты ждала, знала, что кто-то такой придет и меня простит. Верила, что и меня кто-то полюбит, гадкую, не за один только срам!» Алеша почувствовал, что Грушенька изменилась навсегда.

После свидания с Грушенькой, Алеша возвратился в келью старца и опустился на колени возле гроба. Отец Паисий читал Евангелие о браке в Кане Галилейской. Алеша стал слушать. Я люблю это место, — думал он — первое чудо... Радости людской Христос помог. «Кто любит людей, тот и радость их любит» — говорил покойник... Алеша задремал. И вдруг, стены кельи раздвинулись и он увидел эту свадьбу и среди гостей старца Зосиму. «Чего дивишься на меня? Я луковку подал и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной маленькой луковке. Что наши дела? И ты сегод-

на луковку сумел подать алчушей. Начиная, милый, дело свое». Что-то горело в сердце Алеши. Он простер руку и проснулся. «Сон был настолько яркий, ясный и радостный, душа его жаждала свободы, места и широты. Он вышел из кельи. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол полный тихих сияющих звезд. Тишина земная как бы соприкасалась со звездой. Алеша начал молиться, просить прощения за всех, за все и за вся. Он упал на землю и в великой любви к ней, целовал и обливал ее слезами. И с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое сходило в его душу. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь борцом. «Кто-то посетил мою душу в тот час» — говорил он с верой в свои слова.

Закончить статью об Алеше, я хочу тем же, чем Достоевский окончил роман: любовью Алеши к детям. У Алеши было умение сходить с детьми и вызывать их доверие. По словам жены Достоевского, такой же способностью обладал и он. Алеша говорил с детьми как с равными. Случайно увидав ссору школьников, он принял в ней горячее участие, и не только помирил школьников, но и объединил их в одну любящую группу. Рано развитого, 14-летнего мальчика Колю Красоткина, Алеша освобождает от пут атеизма, негигиены и социализма, внушенных ему социалистом Ракитиным. «Карамазов — крикнул один раз Коля — неужели и вправду религия говорит, что все мы встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга и всех, и Ильюшечку? — Непременно встанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было — сказал Алеша — Ах, как это будет хорошо! вырвалось у Коли.

Есть ли тип Алеши теперь у нас на родине? Можно надеяться, что есть. В советской литературе его не покажут. Но вот он проскочил в романе Чингиза Айтматова. Семинарист Авдий бескорыстно, из любви к людям, старающийся убедить «гонимых» остановить распространение наркотиков, за что он и погиб. Есть указания, что духовные семинарии не могут вместить всех желающих поступить учиться туда; знаем мы многочисленные примеры людей подвергнутых уголовным наказаниям за христианскую деятельность.

Недавно, профессор русской истории Лондонского Университета, побывавший в СССР, прочел по лондонскому радио несколько лекций о положении там. В лекции относительно положения Православной Церкви, он сказал: «Православная Церковь остается источником духовной силы для многих, частью посредством литургии, а частью по аскетической традиции подвижников, которые не являясь частью Церкви, действуют силой своего обаяния, как действовал старец Зосима в «Братьях Карамазовых» Достоевского. И хотя монастырская жизнь была почти полностью разорена, есть указания, что такие старцы есть, в темные времена преследования они поддерживают веру».

Где есть старцы, там должны быть и послушники.

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

ДВЕ ПЕРЕСТРОЙКИ?

В «Политическом калейдоскопе» в # 2011 были отмечены некоторые «периферийные» сдвиги в общей мировой политической ситуации (в Анголе, Афганистане, Камбодже, между Ираном и Ираком) с одновременным предположением, что эти сдвиги являются «проявлением каких-то смещений в центральной системе всемирного равновесия». Затем, в # 2012, эти предполагаемые «смещения в центральной системе равновесия» были описаны, как «отказ от претензий на паритет в рамках биполярности», с переходом «к более широкому равновесию в рамках пентархии».

Для проверки этих предположений, необходимо выяснить причины указанных смещений. Общей причиной всех исторических перемен является неустойчивость предыдущей ситуации. Невозможность сохранения «биполярного паритета» было вызвано тем обстоятельством, что СССР не смог достичь консолидации этого паритета. Паритет был на «глиняных ногах», как и называлась передовица на эту тему в # 1894 «Нашей Страны», от 15-11-1986 (которая была перепечатана в израильском журнале «Круг», в # 491, от 2-12-1986). Тогда еще не было и разговора об отказе от паритета. Наоборот, советская печать пестрила заявлениями о «выравнивании паритета», о «принципе равенства и одинаковой безопасности» и т. д.

В указанной передовице отмечалось, что если СССР и «достиг, или, по крайней мере, почти достиг военного паритета», то однако, этот «паритет весьма неустойчив, так как под ним нет паритета технологического и экономического... выражаясь короче, не может быть прочного и длительного стратегического паритета между непаритетными общественно-экономическими системами». Уже тогда эта «общественно-экономическая непаритетность» подтверждалась не только «аккумулирующимся увеличением технологического и экономического разрыва» между «первым» и «вторым» мирами, и ухудшением соотношения национального дохода на душу населения между ними, но также и таким конкретным примером как чернобыльская катастрофа. С тех пор имеются налицо еще два экспериментальных подтверждения: Афганистан (где «непаритетность» проявилась даже в области военной технологии) и катастрофа в Армении (где вся система, как таковая, показала себя с самой позорной стороны).

Со своей стороны США в период Рейгана пытались еще больше углубить и заострить это «неравенство», главным образом с помощью новой стратегической концепции «обеспеченной взаимной обороны», вместо прежнего «обеспеченного взаимного разрушения». «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ, или «звездная война») была главным внешним динамическим фактором нарушения военно-стратегического паритета, к которому стремился СССР.

Перестройка и явилась вынужденным ответом на материальную

невозможность сохранения паритета. Причем, перестройка, по своему замыслу, должна устранить причины аккумулярующегося паритета, срывающегося возможность паритета, но, одновременно, сам по себе факт этой невозможности истолковывается и используется как козырь для получения помощи от иностранного мира в этой перестройке. Таким образом, параллельно происходят две перестройки: перестройка внутренняя в нашей стране и международная перестройка во всем мире. США стремятся в рамках этой перестройки построить «новый мировой порядок» в соответствии с идеей «пентархии», сформулированной Киссингером, а СССР тоже имеет свою, ответную, версию такого мирового порядка.

До этих перестроек, «пентархия» как бы вращалась вокруг биполярности, тоже раскалываясь в основном на две части. В начале, до Хрущева, с одной стороны группировались СССР и Коммунистический Китай, а, с другой стороны, США, Западная Европа и Япония, при ясном «водительстве» США. Затем, в коммунистическом блоке произошел раскол и Коммунистический Китай превратился в «третью силу», одинаково шельмуемую «империализм» и «гегемонизм».

В начале 70-х годов США начали добиваться исторически наиболее далеко идущей (после Второй Мировой войны) цели: перетягивание Китая в свой лагерь, то есть ликвидации временно создавшейся «тройственности» Согласно передовице «Красный Китай в новом мировом порядке», в # 1144 «Нашей Страны», от 25-1-1972, тогдашняя «новая политика США» (Никсона, Киссингера, к которой был причастен и Буш, бывший в 1974 году представителем США в Пекине) имела одной из своих причин «желание создания так называемого «нового мирового порядка»». (Другой причиной, согласно этой передовице, было желание «заблаговременного сближения с возможным будущим создателем второго фронта...», причем, «китайско-советская граница стратегически может быть вторым фронтом... не обязательно только в чисто военном отношении, но и в смысле будирования центральных сил, как говорят, «многонациональной» России»)

Таким образом, пресловутая пентархия Киссингера, как ее не крути, все равно оборачивалась «диархией» («двувластием»), так как США не только были связаны сложной сетью договоров с Японией и Западной Европой, но к тому же пытались как-то вpleсти в эту сеть и четвертого партнера пентархии, а именно Китай. Но такая «диархия», скрывающаяся под видом «пентархии», на самом деле имела своей конечной целью свое собственное преодоление, с превращением в гегемоническое превосходство альянса «четырех» над одним СССР, если его нельзя будет принудить тоже войти в этот альянс, но ни в коем случае в качестве лидера. Как это было отмечено в «Политическом калейдоскопе» в # 2012, Киссингер, в своей книге «Реставри-

рованный мир», такое «водительство в «директории пяти» отводит только для США.

СССР до перестройки, в свою очередь» стремился не допустить такой «моногогемонии» США путем достижения реального военно-стратегического паритета, с помощью периферийной дестабилизации США через будирование региональных конфликтов и «освободительных войн» в тылу у других членов «пентархии» Однако, баланс такой политики показывает, что ее стоимость превышает собственные экономические возможности, а также и не приносит реальных выгод попавшимся в сети такой политики странам, что отпугивает дальнейших кандидатов на подобные комбинации. Возможно, что сегодня уже при перестройке такая политика находится в процессе глубоких мутаций.

Может быть, что фронтальная политическая конфронтация одного против трех, или даже против четырех, при периферийной дестабилизации, будет постепенно заменена надлежащим маневрированием между «четырьмя», с целью достижения реальной «пентархии», если уже нельзя достичь реального биполярного паритета. Лучше быть в группе более или менее равноправных пяти соперников, чем иметь против себя группу трех объединенных соперников, которые притом же привлекают к себе еще и четвертого соперника. Таким образом, в ответ на «формальную пентархию» Киссингера, делаются попытки создания «реальной пентархии», через перестройку всей мировой политики.

Может быть именно это и имела в виду Киркпатрик, когда она пыталась объяснить отвод войск СССР из Афганистана в первую очередь желанием советского руководства убедительно продемонстрировать перед Европой (и Японией) коренную перемену в своей международной политике. (См. «Политический калейдоскоп» в # 2015). Теперь, мол, реальная пентархия возможна, так как СССР отказывается от стремлений к биполярному паритету. При этом, посулы экономического партнерства, а в дальнейшем, возможно, что и не только экономического, весьма соблазнительны в первую очередь для Европы, а в дальнейшем вероятно и для Японии. Тем более, что за последнее время и Япония и Европа реально усилились по отношению к США, особенно в экономическом аспекте. В этом отношении, реальная пентархия уместнее чисто формальной, в то время как «водительство» самих США становится менее реальным.

В свою очередь, повидимому США это тоже понимают и в ответ на прогрессирующую унификацию Европы, смыкаются теснее с Канадой и, в перспективе, с Мексикой. Все части пентархии консолидируют свои позиции и мобилизуют свои силы. Даже Китай начинает нас обгонять, что может быть чревато катастрофическими последствиями.

Пора и нашей стране серьезно взяться за это дело, так как одной перестройки для этого слишком мало. Пора выбрасывать за борт все балласты, весь мертвый груз, причем не постепенно, а решительно. Время не терпит, и как говорит русская поговорка, «сила во времени».

П. НЕСТОРОВ

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует Ред. коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires. Телефон: 544-0530. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за 1 экземпляр: Австралия - 0.80 ам. долл.; Германия - 1.80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0.80 ам. долл.; Аргентина - 7.00 австр. В остальных странах - 0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты. Чехи: Miguel Kireeff, for deposit only. Банковские переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

"NASHA STRANA" - "NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18.9.1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Bs.As.

Correo Argentino Sucursal 30 (B)	Franqueo pagado. Conces. No. 4233 Interes General. Conces. No. 3980
-------------------------------------	--